

БАХШИЕВА ФИДАН СУРАТ-ГЫЗЫ
(Баку)

ИГРА СО ЗНАКООБОЗНАЧЕНИЯМИ РАСТЕНИЙ В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Исследована проблема эволюции семантической системы языка. Рассматривается игра со знакообозначениями растений. Анализируются слова «дерево», «цветок» и «роза» в русском языке, “ağac”, “gül”, “qızılgül” – в азербайджанском, что позволяет утверждать, что эти концепты находят в названных языках общие семы для развития. Значительно большее символическое значение имеют названия конкретных деревьев и цветов, занимающих прочное место в картине мира русского и азербайджанского народов.

Ключевые слова: знакообозначения, растения, дерево, цветок, роза, знак, игра, фразеологизация, фразеологизмы.

Мир растений, как и мир животных, служит в мировых языках стимулом для игры ума и, соответственно, обыгрывания языковых знаков. В русском языке даже общие названия растений развивают значения, основанные на их общих внешних признаках или ситуациях. Например, слово *дерево* в «Словаре русской брани» отмечается в значении «грубый, некультурный человек» [2, с. 117]. Правда, в 4-томном Малом академическом словаре (МАС) в дефиниции не упоминается ни одного признака, способного служить основанием для семантической игры с этим знаком. Приводятся фразеологизмы: *родословное дерево* и *за деревьями леса не видеть* [4, т. 1, с. 389]. В семантической структуре первой ФЕ представлен, возможно, основной когнитивный признак концепта «дерево»: «разветвление и рост». В структуре второй ФЕ фактически нет ни одного признака данного концепта, здесь представлена частота деревьев, но этот признак реализуется исключительно на фоне характерного признака концепта «лес». Каких бы то ни было отличительных описаний нет ни в Большом академическом словаре, ни в Словаре В.И. Даля. Значение, отмеченное в «Словаре русской брани», соотнесим с ФЕ *с дерева сняли* [2, с. 117], т.е. не само слово *дерево* употребляется как определение или название некультурного человека, а выражение *с дерева сняли* (о ком-то). Здесь же отмечается пре-

небрежительное *деревяшка* о фригидной женщине [Там же].

В «Словаре молодежного сленга» *дерево* дается в двух значениях. Первое соотносится с рассмотренным по «Словарю брани»: «недалекий, глупый провинциал». Второе: «Арм. Дневальный» [3, с. 151]. Второе значение построено на внешних ассоциациях, дневальный обычно стоит у тумбочки прямо, отсюда это шутивное название. Что касается значений «глупый провинциал» и «грубый, некультурный человек», то они в принципе совпадают. Слово и понятие «провинциал» вообще ассоциируются с такими признаками, как «грубость», «невежественность», «некультурность».

Интересно отметить, что в русском языке не находит отражения библейская традиция не только положительного отношения к дереву, но и высокой духовной оценки. Так, Л.М. Грановская пишет: «Поклонение деревьям – один из древнейших культов на земле. Широко распространены были верования, что в самих деревьях таится сила и разум. “Язычники считали дерево осью Вселенной, которая олицетворяла так называемую лестницу в небо. <...> Дерево считалось осью Вселенной и приравнивалось к Божеству” (Маковский, с. 105)» [1, с. 29].

В азербайджанском языке слово *ağac* употребляется в четырех значениях. Первое – основное номинативное, второе и третье представляют собой метонимию, четвертое строится на ассоциации по длине. Так называлась древняя азербайджанская мера длины, равная 6–7 км [6, cild. 1, s. 53]. В статье из Толкового словаря азербайджанского языка (ТСАЯ) приводятся три ФЕ: *ağaca dönmək*, *ağac-ağaca qoymaq* (*gəlmək*), *ırıq ağacı* [Там же, с. 54]. Слово *ırıq* в азербайджанском языке означает *семья, племя*. Соответственно, *ırıq ağacı* означает «семейное дерево» или «родовое дерево», «дерево наследственности племени», «тепловое дерево» [Там же, cild. 4, s. 405]. В структуре первой ФЕ обыгрывается признак неподвижности, «столбняк». Здесь можно проследить относительную связь с жаргонными значениями слова *дерево* в русском языке. Например, «неподвижность» соотносится с «недалекий». Второе выражение фактически также строится на метонимии. Здесь *ağac* используется в значении «палка». Фразеологизм означает «драться на палках».

Анализ позволяет утверждать, что концепт «дерево» находит в русском и азербайджанском языках общие семы для развития. Исключение составляет семантика меры длины в азербайджанском языке. Интересно, что в обоих языках не находит отражения положительная оценка образа дерева. Правда, в обоих языках этот образ ассоциируется с семьей, родом, наследием предков, однако сам по себе символ родословного древа представляется интернациональным, он есть у всех народов. Что касается азербайджанского языка, то здесь употребительно слово *şəcərə*, производное от арабского *şəcərətun* (дерево). Арабский этимон означает «дерево», в азербайджанском языке производное от него *şəcərə* означает «родовое или родословное древо». Следует, однако, отметить, что наличие подобного заимствования вовсе не отрицает возможности появления идентичной символики на тюркской почве.

Другим гиперонимом растительного характера является в русском языке слово *цветок*. Это слово фиксируется в МАС в двух значениях, причем оба являются номинативными [4, т. 4, с. 635]. В статье приводятся два фразеологизма: *тепличный цветок* и *срывать цветы удовольствия*. При первом дается отсылка на слово *тепличный*, при втором – на *срывать*. Третье значение слова *тепличный* определяется как «оберегаемый от столкновения с жизнью» [Там же, с. 355]. Здесь же приводятся выражения *тепличное растение* и *тепличный цветок*. Аналогия с растением, выращиваемым в тепличных условиях, очевидна. Следовательно, здесь основным стимулом для переосмысления является признак «оберегаемый». Кроме того, в самом слове *цветок*, хотя МАС этого и не указывает, содержится сема «нежность». Нам представляется, что и этот признак важен в семантической структуре ФЕ. Вообще, видимо, можно говорить об употреблении слова *цветок* в абсолютном значении чего-то прекрасного, как эталона прекрасного.

В структуре фразеологизма *срывать цветы удовольствия* реализуется такой признак концепта «цветок», как «самое лучшее», «верхняя часть чего-то». В МАС значение ФЕ определяется как «беспечно пользоваться удовольствиями, радостями жизни» [Там же, с. 241]. Немного сложно понять, что значит «пользоваться удовольствиями», удовольствие обычно получают.

В «Словаре символов» Дж. Тресиддера отмечается, что цветы – «красота (особенно женская), духовное совершенство, природная невинность, божественное благословение, вес-

на, молодость, доброта; но также краткость жизни, радости рая» [5, с. 402]. В словаре Л.М. Грановской слово *цветок* не фиксируется. Видимо, в Библии значимостью обладали лишь гипонимы как обозначения цветов. Даже в смысле полевых цветов, просто цветов употребляются *лилии* – *лилии полевые*.

В «Словаре молодежного сленга» слово *цветок* не фиксируется. Дается уменьшительная форма *цветочек*, у которой выделяются два значения. Первое – из школьного жаргона и в сочетании с прилагательным *аленький*: «ученик у доски». Второе – снабженное пометой *шутл.* «мужской половой орган» [3, с. 787]. В «Словаре русской брани» слово *цветок* приводится, но только в составе таких выражений, как *цветок жизни*, *цветок мохнатки*, *цветок шахны* [2, с. 375]. Первое квалифицируется как эвфемизм и в качестве такового соотносится со вторым значением по Словарю сленга, отличие в том, что здесь обозначен противоположный пол. Выражение *цветок мохнатки* имеет очень редкое и неожиданное значение: «мужчина, взявший фамилию жены». *Цветок шахны* обозначает более распространенное явление: «Мужчина, делающий карьеру с помощью родственных связей жены» [Там же]. Во всех случаях прослеживается единый стимул переосмысления. Это или внешнее сходство, или связь с женщиной, опосредованно актуализируются такие признаки, как «нежность», «мягкотелость», «беспомощность». В системе коннотаций доминируют ироническая и шутливая. Во всяком случае, характерно, что слово переосмысливается по когнитивным признакам концепта «цветок».

В азербайджанском языке соответствующим гиперонимом является слово *gül*. В ТСАЯ это слово отмечается в 9 значениях. Шесть из них могут квалифицироваться как номинативные. Они обозначают различные явления, внешне напоминающие цветок: кудряшки на бухарской шерсти, мелкие узоры на вязаных изделиях, сыпь во время краснухи, название одной из болезней, которым подвержены овцы [6, cild. 2, s. 302].

Три последних значения носят метафорический характер и строятся на переосмыслении по признаку «красота». Так, седьмое значение определяется как «дорогой, желанный, любимый человек», восьмое – (в форме *gülüm*) как «обращение к дорогому, желанному, любимому человеку», девятое – как «красивый, прекрасный, очаровательный» [Там же]. Седьмое и девятое значения снабжаются пометой *переносное: təcazi*. Что касается вось-

мого значения, то оно по неизвестной причине лишено идентичной пометы. Возможно, составители решили, что обращение не может быть метафорическим. На наш взгляд, как раз в семантике обращения характер метафорического переосмысления, метаигры проявляется наиболее выпукло. Обращаясь к человеку с несобственным знаком, используя знак во вторичной функции, мы как бы превращаем объект обращения в то явление, специфическим названием которого служит данный знак. Здесь очевидно прослеживается функция метаморфозы, хотя стандартная для русского языка форма метаморфозы и не характерна для обращения. В русском языке, как известно, метаморфоза выражается в форме творительного падежа: *он орлом взмыл в небо*, т.е. «он взмыл в небо, превратившись в орла»; она заговорила голубицей, т.е. «она превратилась в голубицу и заговорила» и т. д. Функция метаморфозы широко представлена в устном народном творчестве.

Элементарный анализ говорит о том, что в структуре и характере обращения посредством знака, использованного во вторичной функции, ничто существенно не отличает этот знак от классической метафоры. Например, «Шакал сегодня не приходил?»: *шакал* (метафора) – название человека; «Эй, шакал, ступай сюда!»: *шакал* – обращение к человеку.

Основой всех трех метафорических значений становится сема «нежность». Если считать всё же обращение специальным значением, то седьмое и девятое значения фактически совпадают. Кроме того, по обоим значениям приводятся примеры с союзным словом *kimi*. Следовательно, оба значения реализуются в составе устойчивого сравнения. Это обстоятельство лишней раз доказывает, что указанные значения совпадают, несмотря на то, что в одном выделяется сема «любимый», в другом – «красивый».

ТСАЯ приводит несколько фразеологизмов с компонентом *gül*. Это такие выражения, как *gül açmaq*, *gül ağız*, *gül gülü çağıрмаq* (*səsləmək*, *dildirmək*), *gül kimi*, *gül kimi açılmaq*, *gül kimi təmiz*, *gül vaxtı (çağı)*, *gül yağı*, *gül yarpağı kimi əsmək (titrəmək)*, *gül (ünü) vurmaq*, *güldən ağır söz* [6, cild. 2, s. 302–303]. Элементарный анализ этих ФЕ показывает, что приведенный перечень, как и интерпретация фразеологического значения, могут вызывать сомнения. Так, например, по девятому значению слова *gül* приводится выражение *gül kimi uşaq*. Среди приведенных ФЕ несколько раз встречается конфигурация этого слова со срав-

нительным словом *kimi*. Спрашивается, насколько серьезными являются структурно-семантические отличия в приведенных здесь выражениях *gül kimi*, *gül kimi açılmaq*, *gül kimi təmiz*, а также в приведенном по 9-му значению *gül kimi uşaq*? Можно предположить, что в азербайджанском языке существует устойчивое сравнение *gül kimi* с относительно широкой дистрибуцией. В структуре значения самого компаратива ничего не происходит в зависимости от конкретного окружения. Конечно, любая фразеологическая конфигурация строится на взаимодействии самого фразеологизма и его дистрибуции. Отсюда следует, что не только устойчивое сравнение *gül kimi* определяет значение окружения, но и семантика слов, выступающих в окружении, влияет на содержание сравнения. Тем не менее радикальных изменений в конфигурации и структуре значения ФЕ не происходит. Таким образом, скорее всего, в азербайджанском языке функционирует одно устойчивое сравнение *gül kimi*, дистрибуцию которого составляют слова *uşaq*, *təmiz*, *açılmaq* и т.д.

Почти во всех приведенных в ТСАЯ фразеологизмах реализуется такой признак концепта «цветок», как «красота». Другое дело, что признак «красота» ассоциируется с частными признаками, такими как «нежность», «чистота», «незапятнанность», «хрупкость». Следует также отметить, что фразеологичность некоторых из приведенных здесь выражений вызывает сомнение. Например, словосочетание *gül yağı* буквально означает «цветочное масло», но и актуальное значение его также сводится к дефиниции «масло из цветов (выжатое из цветов)», используемое в кулинарии и в парфюмерии». Совершенно очевидно, что буквальное значение полностью соответствует так называемому фразеологическому.

Выражение *gül vaxtı* (буквально «время цветов») означает «время, когда цветы распускаются». Фразеологизация здесь вполне может быть поставлена под сомнение. Фразеологическим является выражение *gül gülü çağıрмаq* (буквально «цветы зовут друг друга; один цветок зовет другой»). Это устойчивое поэтическое выражение, обозначающее красоту природы, как отмечается в ТСАЯ [Там же, s. 302]. Видимо, более точным является значение «весенняя пора, когда цветы распускаются, и всё цветет», а не просто «красота природы».

Проведенный анализ позволяет сделать определенные выводы. В азербайджанском

языке эволюция значения выглядит сложнее в смысле представленности основных когнитивных признаков, однако сам стимул для развития значения и эталон для сравнения могут рассматриваться как универсальное явление. Несмотря на то, что словари не фиксируют это употребление, и в русском языке вполне употребительно выражение как *цветок*. Можно высказать мысль о восточном происхождении этого сравнения. Вообще, как известно, многие символы цветочного происхождения носят восточный и поэтический характер. Достаточно вспомнить широко распространенную символику соловья и розы.

В современном русском языке и в случае с таким ярким символом, как «цветок», также наблюдается игра по модели «нормативное – обценное». Однако важен сам факт возможности переосмысления слова *цветок*, основанного как на внешних признаках, так и на ассоциациях по существу. Кроме того, обращает на себя внимание также факт участия слова во фразеологизации. Следует отметить, что сам факт того, что эта фразеологизация протекает в рамках ненормативной и даже обценной волны, не столь важен. Суть в том, что ресурсы общенационального языка это позволяют.

Слова *дерево* и *цветок*, как отмечалось, носят характер гиперонимов по отношению к конкретным названиям, однако, как показал проведенный анализ, даже гиперонимы принимают участие в процессе знакового комбинирования. Значительно больше символических значений принадлежит названиям конкретных деревьев и цветов, занимающих прочное место в картине мира русского и азербайджанского народов. Каждое из этих растений в совокупности всех своих известных народу особенностей концептуализируется в коллективном сознании. Поскольку мышление носит ассоциативный характер, каждый из ассоциативных признаков служит основанием для переосмысления. В первую очередь это относится к тем растениям, которые занимают в картине мира народов особое место, обусловленное их важностью для жизни и широкой известностью.

Роза имеет универсальное значение для человеческой культуры. Этот цветок в сознании многих народов приобретает философское, мировоззренческое осмысление. Достаточно вспомнить роман У. Эко «Имя розы», весь контекст которого формируется вокруг этого символа. Тресиддер указывает, что в культуре Западной Европы роза традиционно воспринимается как образцовый цветок, ли-

шенный каких бы то ни было изъянов. Роза считается символом сердца, центром мироздания, космического колеса. Одновременно это символ божественной любви. «Для христиан кроваво-красная роза и ее шипы – символ Страстей Христовых. Роза стала главной эмблемой и символом оккультного и каббалистического ордена розенкрейцеров, основанного в XVII в., чьей эмблемой был крест из роз или деревянный крест с розой в центре» [5, с. 308].

Это очень значительные символы, однако этим символика розы не ограничивается. Три розы в символике масонов означают свет, любовь и жизнь. Эти три розы связываются с именем Святого Иоанна. Розой Небес называют Деву Марию. Роза над совещательным или банкетным столом означает, что сидящие за ним ведут частную беседу. Это значение имеет выражение *sub rosa*, т.е. «под розой» [Там же, с. 309]. Л.М. Грановская указывает, что в христианстве роза является мистическим знаком любви [1, с. 76]. В иудаизме же *розой* часто называли другие цветы: «Знали ли древние евреи розу, – является вопросом спорным» [Там же, 74].

В МАС слово *роза* отмечается только в основном в номинативном значении, никаких оттенков значения или фактов окказионального употребления не дается [4, т. 4, с. 726]. Приводится один фразеологизм – *роза ветров*, фразеологичность которого вполне может быть поставлена под сомнение. Основанием для этого является сохранение словом *ветер* своей исконной денотативной направленности. Иными словами, в выражении *роза ветров* речь идет действительно о ветрах. Следовательно, здесь никакого переосмысления, никакой игры со словами или словосочетанием не наблюдается. Скорее всего, здесь мы имеем дело с переносным употреблением самого слова *роза* и только этого слова, построенного на ассоциативной связи ветров, дующих в различных направлениях, с распутившейся розой, цветком. Указанное значение закономерным образом реализуется в сочетании слова *роза* со словом *ветры*.

В «Словаре молодежного сленга» слово *роза* отмечается в значении «шарф с символической футболного клуба (элемент экипировки фаната)» [3, с. 601]. Приводится также фразеологизм *Роза Школьникова*: «шутл. Молодая девушка с лесбийскими наклонностями» [Там же]. Фразеологизм строится, скорее всего, на семе «нежность», позволяющей обыграть слово *роза*, противопоставляя женскую любовь грубой мужской. Компонент *Школьникова* но-

сит дополнительный, шуточный и в какой-то степени определяющий характер, т.е. раз существует связь с концептом «школа», то утрируется «подростковость», «инфантильность», «боязнь настоящей жизни» и т.д. В «Словаре русской брани» *роза* не фиксируется.

В азербайджанском языке эквивалентом русского слова *роза* является лексема *qızılgül*. В ТСАЯ это слово фиксируется только в основном в номинативном значении. Отмечается также употребление в значении «рисунк, напоминающий розу, нанесенный на ковер» [6, cild. 3, s. 158].

Относительно русского языка, с учетом выражения *роза ветров*, можно говорить об ассоциативном обыгрывании данного знака. В жаргоне *роза* становится объектом игры на основе как внешнего подобия (шарф футбольных фанатов), так и внутренних ассоциаций. *Роза* укладывается также в общую модель переосмысления на основе ассоциаций с сексуальными понятиями, т.е. и это слово приобретает в современном русском языке негативный с точки зрения нормативной системы смысл. В азербайджанском языке, несмотря на большое символическое значение слова *qızılgül* как в восточной, так и в азербайджанской поэзии, оно не становится объектом переосмысления.

Список литературы

1. Грановская Л.М. Растительный мир Библии: краткий словарь. Баку: Мутарджим, 2015.
2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани. СПб.: Норинт, 2003.
3. Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь. М.: Астрель: АСТ, 2003.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1; 1984. Т. 4.
5. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
6. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. Bakı: Şərq-Qərb, 2006.

* * *

1. Granovskaja L.M. Rastitel'nyj mir Biblii: kratkij slovar'. Baku: Mutardzhim, 2015.
2. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Slovar' russkoj brani. SPb.: Norint, 2003.
3. Nikitina T.G. Molodezhnyj sleng: tolkovyj slovar'. M.: Astrel': AST, 2003.
4. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / AN SSSR. In-t rus. jaz. M.: Rus. jaz., 1981. T. 1; 1984. T. 4.
5. Tresidder Dzh. Slovar' simvolov. M.: FAIR-PRESS, 2001.

Play with notions of plants in the Russian and Azerbaijani languages

There is researched the issue of evolution of the semantic language system. There is considered the play with notions of plants. There are analyzed the words "derevo", "цветок" and "роза" in the Russian language, "ağac", "gül", "qızılgül" in the Azerbaijani language, which makes it possible to state that these concepts have common semes for development in these languages. A greater symbolic meaning is given to the names of some particular trees and flowers in the world picture of the Russian and Azerbaijani people.

Key words: *notions, plants, tree, flower, rose, sign, play, phraseology, phraseological units.*

(Статья поступила в редакцию 18.10.2015)

И. КОЗМАЧ
(Сегед, Венгрия),
А.В. ЕГОРОВ
(Ижевск)

БЕРНАТ МУНКАЧИ И НАЧАЛО ПОЛЕВЫХ РАБОТ В ВЕНГЕРСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ*

Описана подготовка молодого венгерского ученого Берната Мункачи к диалектологической экспедиции 1885 г., целью которой было при помощи полевых исследований собрать эмпирический материал для финно-венгерских студий, осуществляемых на территории Венгрии.

Ключевые слова: *Бернат Мункачи, венгерские ученые, удмурты, удмуртский язык, удмуртские диалекты, диалектология, полевые исследования.*

Молодой венгерский ученый Бернат Мункачи, готовясь к российской экспедиции 1885 г., изъявил желание исследовать удмуртский языковой материал, о чем он пишет в предисловии к своей книге "Votják nyelvmutatványok": *До сих пор сведения о вотяцком языке, как правило, основывались на*

* Исследование выполнено в рамках поддержанного Российским научным фондом проекта № 14-18-03573 «"Поля несуществующего": неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».